

1001 ночь.

Рассказ про Али-Баба и сорок разбойников и невольницу Марджану, полностью и до конца (Сказка про Али-Бабу и сорок разбойников)

[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 1](#)

[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 2](#)

[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 3](#)

Когда Касим убедился в этом и увидел, что нет проку называть все сорта зерна, он сбросил золото с плеч, сел и снова стал вспоминать, какой же это знак назвал ему его брат, но он так и не пришел ему в голову. Он просидел некоторое время, охваченный крайней заботой и беспокоем, и никак не мог заставить это название появиться у него в мыслях, и тогда он стал горевать и мучиться, раскаиваясь в том, что сделал, когда от раскаяния не было пользы, и говорил: «О, если бы я удовлетворялся тем, что предложил мне брат, и оставил жадность, которая стала теперь причиною моей гибели!» И он бил себя по лицу, вырывал волосы, рвал на себе одежду и сыпал голову пылью, проливая обильные слезы, и то кричал и причитал во весь голос, то плакал молча, охваченный печалью. И тянулись над ним долгие часы, и сменилось время, а он был все в том же положении, и каждая проходящая минута казалась ему целым веком. И пребывание его в сокровищнице все длилось и страх и ужас его все увеличивался, и наконец он отчаялся спастись и воскликнул: «Я погиб несомненно, и нет способа освободиться из этой тесной темницы!»

Вот что было с Касимом.

Что же касается разбойников, то они встретили караван, с которым шли купцы со своими товарами, и ограбили его, и захватили большие богатства, а после того, как было у них в обычае, направились в сокровищницу, чтобы сложить туда добычу. И когда они приблизились к ней, то заметили мулов, которые стояли там с сундуками, и встревожились, и показалось им это подозрительным. Они бросились на мулов как один человек, и мулы разбежались и рассеялись на горе, но воры не обратили на них внимания. Они остановили коней, и спешили, и обнажили мечи, остерегаясь хозяев мулов и полагая, что их много, но не увидели перед сокровищницей ни одного человека и подошли к двери. А Касим, услышав топот коней и людские голоса, прислушался и убедился, что это те самые разбойники, про которых ему рассказывал его брат. Он стал надеяться, что спасется, и решил убежать, и притаился за дверью, готовясь к бегству, а предводитель разбойников подошел и произнес: «Сезам, открой твою дверь!» — и дверь вдруг распахнулась, и Касим ринулся вперед, спасаясь от гибели и ища избавления, и когда он бросился к двери, то наткнулся на предводителя и повалил его. И Касим заметался среди разбойников и увернулся от первого, второго и третьего, но их как-никак было сорок человек, и он не смог ускользнуть от всех, и один из них настиг его и так ударил копьем в грудь, что зубцы вышли, сверкая, из его спины, и кончился срок жизни Касима. Таково воздаяние тому, кем овладела жадность и кто замыслил обмануть и предать своего брата! Потом разбойники вошли в сокровищницу и увидели, что из нее что-то взято, и обуял их великий гнев. И завладела ими мысль, что их соперник — это убитый Касим, и что именно он взял недостающие драгоценности, но они не могли понять, как Касим попал в это неведомое, отдаленное и скрытое от глаз место и как разгадал тайный способ открыть дверь, который знал, кроме них, один Аллах, да будет он возвеличен и прославлен! И увидев, что он лежит убитый, недвижимый, они обрадовались и успокоились, так как думали, что никто, кроме него, больше не войдет в сокровищницу, и говорили: «Хвала Аллаху, который избавил нас от этого проклятого!» А затем, в назидание и на страх другим, они разрубили тело Касима на четыре куска и повесили их за дверью, чтобы послужило это предостережением для всякого, кто отважится войти в это место. И после этого они вышли, и дверь замкнулась, как раньше, и они сели на коней и уехали своей дорогой, и вот то, что было с этими людьми.

Что же касается жены Касима, то она целый день просидела, ожидая мужа и надеясь на исполнение своих желаний; она рассчитывала, что Касим принесет ей богатства, которых она так жаждала, и готовилась своими руками пощупать динары и фельсы. Но когда пришел вечер, а Касим все мешкал и не возвращался, она встревожилась, и пошла к Али-Баба, и рассказала ему, что ее муж с утра отправился на гору и до сих пор не вернулся и что она боится, не случилось ли с ним что-нибудь и не поразила ли его беда. И Али-Баба стал ее успокаивать и говорил: «Не тревожься! Его отсутствию до сего времени наверное есть какая-нибудь причина, и я думаю, что он решил не возвращаться в город днем из опасения, как бы его обстоятельства не стали известны. Он, несомненно, хочет вернуться лишь ночью, чтобы исполнить свое дело тайком; не пройдет и немногих часов, как ты увидишь, что он возвращается к тебе с деньгами. А что до меня, то, когда я узнал, что Касим намерен отправиться на гору, я воздержался и не поднялся туда, как обычно, чтобы мое присутствие его не стесняло и он бы не думал, что я намерен за ним подсматривать. Господь облегчит ему затруднения и завершит его дело благом! А ты возвращайся к себе домой и ничего не опасайся. Если захочет Аллах, случится одно добро и ты скоро увидишь, что он возвращается невредимый и с богатой добычей».

Но жена Касима вернулась домой совсем не спокойная и сидела огорченная, и было у нее на душе из-за отсутствия мужа тысяча печалей. Она строила всевозможные мрачные предположения, и ей приходили на ум дурные мысли, пока солнце не зашло и в воздухе не стемнело, и наконец наступила ночь, а жена Касима так и не увидела мужа возвратившимся. Она не стала ложиться, отказавшись от сна и ожидая своего мужа, а когда прошли две трети ночи и она увидела, что Касим не возвращается, то отчаялась и принялась плакать и рыдать, но не стала кричать и вопить, как делают женщины, опасаясь, что соседи услышат и спросят, почему она плачет. И жена Касима провела ночь без сна, в наихудшем состоянии, плача, тревожась, беспокоясь, волнуясь, горя и страшась, а когда наконец дождалась утра, то поспешила пойти к Али-Баба и сообщила ему, что его брат не вернулся. Она говорила с ним печальная, плача и проливая обильные слезы и будучи в состоянии неописуемом, и когда Али-Баба услышал слова, с которыми она к нему обратилась, он воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Не знаю, что и думать о причине его отсутствия до сей поры. Я сам пойду и выясню, что с ним случилось, и осведомлю тебя об истине в этом деле. Может быть, с помощью Аллаха, задержка окажется на благо и то, что случилось, не принесет вреда или зла».

И Али-Баба тотчас же снарядил своих ослов, взял топор и отправился на гору, как делал каждый день, но приблизившись к двери сокровищницы, он не нашел там мулов и заметил следы крови, и пресеклась его надежда увидеть брата, и он убедился, что тот погиб. И Али-Баба подошел к двери, охваченный страхом, уже чувствуя, что случилось, и произнес: «Сезам, открой твою дверь!» — и когда он это говорил, дверь открылась, и он нашел тело Касима, разрубленное на части и повешенное за дверью. И волосы вздыбились у него на теле от подобного зрелища, и застучали зубы, и сморщились губы, и он едва не лишился чувств от страха и ужаса, и охватило его сильное горе. Он опечалился великой печалью из-за участи брата и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! От того, что написано, никуда не убежишь, и что суждено человеку в сокровенном, то обязательно испытает он сполна!» Но потом Али-Баба подумал, что от плача и скорби в такое время нет ни пользы, ни проку, и что самое лучшее и необходимое — призвать на помощь все свое хитроумие и руководиться правильным мнением и разумным суждением. Он вспомнил, что завернуть брата в саван и похоронить — это его обязанность и одна из заповедей ислама, и взял куски разрубленного тела Касима, и положил их на ослов, и прикрыл тканями, добавил сверх того драгоценностей изклада, которые ему понравились, тех, что весят немного, а ценятся высоко. Он дополнил ношу ослов дровами, а потом дождался порядочно времени, пока не наступила ночь, и, когда мир покрылся мраком, направились в город.

И Али-Баба вступил в город, будучи в худшем состоянии, нежели мать, потерявшая ребенка, и не знал он, что ему предпринять и как поступить с убитым. Он гнал своих ослов, утопая в море мыслей, пока не остановился у дома брата, и тогда он постучался в ворота, и ему открыла черная абиссинская невольница, находившаяся у Касима для услуг, и была это одна из прекраснейших невольниц, с красивым лицом и изящным станом, юная годами, ясноликая и черноглазая, совершенная по качествам, и что еще лучше, она обладала здравым рассудком, острым умом, возвышенными помыслами и великим благородством в минуту нужды. Хитростью и изобретательностью она превосходила опытного проницательного мужа, и домашние дела лежали на ней одной, и ей поручалось исполнение всех нужд. И Али-

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Баба вошел во двор и сказал: «Пришло твое время, о Мард-жана, и нам нужна твоя хитрость в важном деле! Я открою его тебе в присутствии твоей госпожи; пойдем же со мной послушай, что я скажу ей». И он оставил ослон во дворе и поднялся к жене своего брата, и Марджана поднялась вслед за ним, удивленная и встревоженная тем, что она от него услышала. И когда жена Касима увидела Али-Баба, она спросила: «Что идет за тобой, Али-Баба,— добро или зло? Открылись ли следы Касима и узнал ли ты весть о нем? Поспешь меня успокоить и остуди жар моего сердца». Но Али-Баба медлил с ответом, и она почуяла истину и принялась голосить и плакать, и Али-Баба молвил: «Перестань кричать и не возвышай голоса! Берегись, чтобы люди не про слышали о нашем деле и не стала бы ты причиной того, что мы все погибнем».

Потом Али-Баба рассказал ей, что случилось и что произошло,— как он нашел своего брата убитым и тело его разрезанным на четыре куска и повешенным в сокровищнице, за дверью, и затем продолжал: «Знай и будь уверена в том, что наше достояние, наши души и наши семьи — это прекрасные дары Аллаха и имущество, вверенное нам на хранение. Он заповедал нам благодарность за милости и терпение при испытаниях, и скорбь не вернет умершего и не защитит от печалей. Будь же терпелива, ибо последствие стойкости — благо и благополучие. Смириться перед приговором Аллаха лучше, чем скорбеть и роптать. Правильно и разумно будет, если ты теперь станешь мне женой, а я стану тебе мужем и женюсь на тебе. Моей первой жене это не будет в тягость, ибо она женщина умная, чистая душой и целомудренная, благочестивая и набожная, и мы все заживем одной семьей. Слава Аллаху, у нас довольно денег и всяких благ, чтобы избавить нас от работы и труда ради пропитания, и это обязывает нас благодарить подателя за то, что он дал, и хвалить его за его милости». И когда жена Касима услышала слова Али-Баба, прошла ее великая скорбь и горесть, прекратился плач и высохли слезы, и она молвила: «Я твоя покорная раба и послушная служанка и повинуюсь тебе во всем, что ты считаешь за благо, но как ухитриться в деле с этим убитым?» — «Что касается убитого,— ответил Али-Баба,— то поручи это дело твоей рабыне Марджане — ты ведь знаешь, как много у нее ума и как велика ее сметливость, рассудительность и способность придумывать хитрости».

Потом Али-Баба оставил жену Касима и ушел своей дорогой, а что касается рабыни Марджаны, то, услышав его слова и увидев, что ее господин убит и разрублен на четыре части, она поняла причину этого, и стала успокаивать свою госпожу, и сказала ей: «Не тревожься и положишься в этом деле на меня. Я придумаю какой-нибудь способ, который принесет нам покой, и наша тайна не откроется». И она вышла и отправилась в лавку москательщика, находившуюся на той же улице, а этот москательщик был старый человек, далеко зашедший в годах, славившийся познаниями в разных областях врачевания и лечения и восхваляемый за искусство в деле варки снадобий, хорошее знание всяких зелий и простых врачебных лекарств. Она попросила у него лекарственного теста, которое прописывают только при тяжелых болезнях, и москательщик спросил ее: «А кому у вас в доме понадобилось такое тесто?» — «Моему господину, Касиму,— ответила Марджана.— С ним приключилась сильная болезнь, которая свалила его, и он теперь в состоянии небытия». И москательщик встал и вручил ей тесто, говоря: «Быть может, Аллах вложит в него исцеление». И Марджана взяла у него тесто из рук, дала ему сколько пришлось дирхемов и воротилась домой.

А на следующий день рано утром она вернулась к москательщику и потребовала лекарства, которым поят только тогда, когда уже нет надежды, и москательщик спросил ее: «А разве тесто вчера не помогло?» — «Нет, клянусь Аллахом,— ответила Марджана,— мой господин при последнем вздохе и борется за свою душу, а госпожа моя уже начала плакать и вопить». И москательщик вручил Марджане лекарство, и та взяла его, отдала за него деньги и ушла, и потом она отправилась к Али-Баба и рассказала ему, какую она придумала хитрость. Она посоветовала Али-Баба почаще заходить в дом своего брата и проявлять грусть и печаль, и он делал так, как она велела, и когда люди в квартале увидели, что он то и дело входит и выходит из дома брата и на лице у него следы печали, они спросили, в чем причина этого. И Али-Баба рассказал им, что его брат болен и что его поразил тяжелый недуг, и весть об этом разнеслась по городу, и люди только о том и говорили.

Когда же настал следующий день, Марджана до восхода зари спустилась в город и шла по городским улицам, пока не подошла к одному башмачнику, которого звали шейх Мустафа. А это был человек, далеко зашедший в годах, небольшого роста, толстоголовый, с длинной бородой и усами; он всегда открывал свою лавку спозаранку и был в этом отношении первым на рынке, и люди знали за ним эту привычку. И Марджана подошла к этому башмачнику, и вежливо и чинно приветствовала его, и положила ему в руку динар, и когда шейх Мустафа увидел, какого цвета монета, он долго вертел ее в руках и потом сказал: «Вот благословенный почин!» А он понял, что Марджана хочет оделать через него какое-то дело, и сказал ей: «Изъяви мне, о госпожа невольниц, каковы твои желания, и я их исполню для тебя». — «О шейх,— молвила Марджана,— возьми иголку и ниток, вымой руки, надень твои сандалии и позволь мне завязать тебе глаза, и потом ты пойдешь со мной, чтобы исполнить одно тонкое дело; ты получишь за него награду на земле и на небесах, и тебе не будет от этого ни малейшего вреда». — «Если я тебе нужен ради вещи, угодной Аллаху и его пророку,— молвил башмачник,— то я сделаю это охотно и с удовольствием и не стану тебе перечить; если же это грех и прегрешение, проступок и преступление, то я не повинуюсь тебе; ищи другого, чтобы это исполнить». — «Нет, клянусь Аллахом, шейх Мустафа, это вещь дозволенная и допустимая; не бойся же ничего», — молвила Марджана и, говоря это, вложила башмачнику в руку еще динар, и когда шейх Мустафа увидел это, он уже не мог перечить и отказываться, вскочил на ноги и сказал: «К твоим услугам! Все, что ты ни прикажешь, я исполню!» И он запер лавку, взял необходимые ему нитки, иголки и прочие принадлежности для шитья, а Марджана уже заготовила повязку, и быстро вытатила ее, и, согласно условию, завязала башмачнику глаза, чтобы он не мог узнать того места, куда она была намерена с ним пойти.

И Марджана взяла башмачника за руку и пошла, а он шел за нею по улицам и переулкам, словно слепой, не зная, куда он идет и какова цель этого. И они оба все шли, и Марджана то забирала вправо, то сворачивала налево, удлиняя дорогу, чтобы запутать башмачника и не дать ему понять, куда она направляется, и до тех пор вела его таким образом, пока не остановилась у дома покойного Касима. Она тихонько постучала в ворота, и ей тотчас же. открыли, и она вошла с шейхом Мустафой и до тех пор поднималась с ним по лестнице, пока не привела его в комнату, где находилось тело ее господина. И когда башмачник оказался там, она сняла с его глаз повязку, и шейх Мустафа, когда глаза у него открылись, увидел себя в помещении, которого не знал, и обнаружил перед собой тело убитого. И он испугался, и у него затряслись поджилки, и Марджана сказала ему: «Не бойся, шейх, с тобой не будет беды! От тебя требуется только получше сшить части этого убитого человека и собрать его члены, чтобы его тело стало одним куском». И затем она дала башмачнику третий динар, и шейх Мустафа положил его за пазуху, говоря про себя: «Теперь время действовать рассудительно и руководствоваться правильным мнением. Я в помещении, которого я не знаю, среди людей, намерения коих мне неведомы. Если я стану им прекословить, они обязательно причинят мне вред, и мне остается только подчиниться тому, чего они хотят. Во всяком случае, я не ответствен за кровь этого убитого человека, и взыскать должное с его убийцы — дело Аллаха, великого и славного. В сшивании его тела нет ничего запретного, так что я не совершу этим греха и меня не постигнет кара». Потом шейх Мустафа сел и принялся сшивать и соединять части трупа убитого, и они превратились в цельное тело, а когда он закончил свою работу и цель оказалась достигнутой, Марджана встала, опять завязала ему глаза, взяла его за руку, спустилась с ним в переулок и ходила из улицы в улицу, от одного поворота до другого, водя башмачника за собой, пока не привела его к его лавке раньше, чем люди вышли из своих домов, так что никто ничего о них не проведал. Дойдя до лавки, Марджана сняла с глаз башмачника повязку и сказала ему: «Скрывай это дело и остерегайся о нем говорить и рассказывать, что ты видел, не болтай много о том, что тебя не касается,— тебе может достаться то, что тебе не понравится». Потом она дала ему четвертый динар и оставила его на улице, а вернувшись домой, принесла горячей воды и мыла и обмывала тело своего господина до тех пор, пока не очистила его от крови. Затем она одела убитого в одежды и положила на его ложе, а покончив с этим, послала за Али-Баба и его женой, и, когда те явились, рассказала им, что она сделала, и сказала: «Объявите теперь о смерти моего господина Касима и расскажите о ней людям».

И тут женщины подняли плач и крик и стали выть, голоса и причитая, и вопили и били себя по лицу, так что соседи это услышали и друзья пришли и стали их утешать. И тогда плач усилился, и поднялись вопли, и раздались крики и громкие причитания, и разнеслась по городу весть о смерти Касима, и те, кто его любил, призывали на него милость Аллаха, а враги его злорадствовали. А через некоторое время явились обмывальщики, чтобы обмыть умершего согласно обычаю, и Марджана сошла вниз и сказала им, что он уже обмыт, умащен маслами и завернут в саван, и дала им плату больше обычного, и обмывальщики ушли со спокойной душой, не допытываясь о причине этого и не спрашивая о том, что их не касается. Потом принесли носилки, и тело снесли вниз и положили на них, и пошли на кладбище, и люди шли за носилками, а Марджана и женщины-плакальщицы шли сзади, плача и причитая, пока не дошли до кладбища. И Касиму вырыли могилу и похоронили его,— милость Аллаха над ним! — и потом люди вернулись, и разбрелись, и ушли своей дорогой, и убийство Касима осталось таким образом скрытым. Никто не понял истинной сути дела, и люди думали, что Касим умер своей смертью.

Когда миновал законный срок, Али-Баба женился на жене своего брата, написал ее брачный договор и вступил с ней в сожительство, и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

люди одобряли его поступок и приписывали его крайней любви Али–Баба к брату. Потом Али–Баба перенес к ней в дом свои пожитки и зажил там со своей первой женой, и туда же он перенес богатства, которые взял из сокровищницы. И Али–Баба стал думать, что ему делать с лавкой брата. А Аллах послал Али–Баба сына, которому к тому времени исполнилось двенадцать лет жизни, и мальчик раньше прислуживал одному купцу, и учился у него торговому делу, и стал искусен в этом занятии, и когда Али–Баба понадобился человек, который смотрел бы за лавкой брата, он взял сына у купца и поместил его в лавку, чтобы он там продавал и покупал. Он передал ему все вещи и товары, которые остались от дяди, и обещал женить его, если он пойдет стезею добра и преуспевания и будет следовать по пути справедливости и праведности.

Вот что было с этими людьми.

Что же касается разбойников, то они через некоторое время снова пришли в сокровищницу и, войдя туда, не нашли трупа Касима, и тогда они поняли, что об их деле проведал не один соперник, и что у убитого есть сообщники, и что дело их стало известно среди людей. Это очень встревожило разбойников и сильно опечалило их. Они проверили, сколько богатств взято из сокровищницы, и оказалось, что взято очень много. Тут они пришли в великую ярость, и предводитель их обратился к ним и сказал: «О богатыри, доблестные в бою и в сражении, пришло для вас время возмездия и мщения. Мы думали, что сокровищницу открыл кто–нибудь один, а их, оказывается, много, и мы не знаем, сколько их человек, и нам неизвестно их местожительство. Мы не жалеем своей души и подвергаем себя опасности гибели, собирая эти богатства, а кто–то другой пользуется ими, не трудясь и не утомляясь. Это зло великое, и мы не можем его терпеть! Нам непременно нужно придумать хитрость, чтобы добраться до нашего врага, и если уж он нам попадется, я отомщу ему самой страшной мстью и убью вот этим мечом, хотя бы моя душа погибла. Теперь пришло время действовать и проявить смелость, мужество и отвагу. Разойдитесь по деревням и селениям, и кружите по городам и землям, и распытывайте и спрашивайте, не разбогател ли какой–нибудь бедняк и не похоронили ли недавно убитого; быть может, вы так выследите нашего врага и Аллах сведет вас с ним. А особенно нам необходим теперь человек хитроумный и ловкий на обман, отважный, как подобает мужу; пусть отделится от нас и ищет здесь, в городе, ибо наш враг обитает в нем, наверное и без сомнения. Пусть перерядится он в одежду купцов и украдкой проникнет в город; он должен разведывать новости и расспрашивать о случившихся там делах и событиях: кто умер или убит в недавнее время, где дом и семья умершего и как пришла к нему смерть, и быть может, он найдет того, кого ищет,— ведь дело убитого не остается сокрытым, и рассказ о нем распространяется в городе, и знает эту историю старый и малый. И если захватит он нашего врага или расскажет, где он находится, мы будем ему обязаны великою милостью, и я повышу его сан и чин и назначу его своим преемником. Если же он не выполнит требуемого, не исполнит того, что обещал, и обманет наши надежды, мы будем знать, что это жалкий дурак со слабым умом, неспособный на хитрость и лишенный сноровки; мы накажем его тогда за плохую работу и недостаток усердия и убьем его постыднейшим образом, ибо не нужен нам человек с малым мужеством и нет пользы оставлять жить лишенного прозорливости; ведь искусным вором будет только человек ловкий, знающий всякого рода хитрости. Что вы скажете на это, о смельчаки, и кто из вас возьмется за столь трудное и губительное дело?»

И когда они услышали слова предводителя и обращенные к ним речи, они одобрили его мнение и приняли изложенные условия, и все дали обет и клятву их выполнить, а потом один из разбойников, рослый человек, мощный телом, поднялся и обязался вступить на эту трудную, крутую дорогу, взяв на себя условия, изложенные раньше, относительно которых все согласились. И воры принялись целовать ему ноги, оказывая ему особое уважение, восхваляя его за смелость и отвагу и восхищаясь его твердостью и решимостью, и благодарили его за храбрость и мужество, восторгаясь его силой и неустрашимостью, и предводитель наказал ему поступать осмотрительно и действовать рассудительно, пуская в ход козни, обманы и скрытые ухищрения, и научил его, как войти в город в обличий купца, который по внешности хочет заняться торговлей, а в душе имеет намерение разведывать и отслеживать. А окончив свои наставления, он оставил его и ушел, и другие разбойники тоже разошлись кто куда.

А тот, что предложил выкупить собою товарищей, надел одежду купцов, и принял их обличье, и провел ночь, собираясь отправиться в город, и когда прошла ночь и пришел рассвет, он пустился в путь, с благословения великого Аллаха, направляясь к воротам города, и вышел через ворота на его улицы и площади. Он прошел по рынкам и кварталам, когда большинство людей еще спало сладким сном, и шел до тех пор, пока не свернул на рынок шейха Муста–фы–башмачника, и увидел он, что тот уже открыл лавку и сидит и зашивает чьи–то сандалии, ибо шейх Мустафа, как мы уже говорили, спозаранку выходил на рынок и имел привычку открывать лавку раньше других обитателей квартала. И вор–соглядатай подошел к шейху, и поздоровался с ним самым вежливым образом, усердствуя в приветях и выражениях почтения, и сказал: «Да благословит Аллах твои помыслы и да умножит уважение к тебе! Ты открыл свою лавку первый, раньше других обитателей квартала».— «О сын мой,— ответил шейх Мустафа,— усердствовать, добывая свой надел, лучше, чем спать, и таков мой обычай всякий день».— «Однако, о шейх, меня берет удивление, как ты, при твоих слабых глазах и пожилом возрасте, можешь шить в такой час, до восхода солнца, когда так мало света»,— молвил разбойник. И шейх, услышав эти слова, сердито повернулся к нему, поглядел на него искоса и воскликнул: «Я думаю, ты чужой в этом городе! Будь ты одним из его обитателей, ты не говорил бы таких слов, ибо я знаменит среди богатых и бедных остротой зрения, и старому и малому известно, как хорошо я знаю портняжное искусство! Недавно какие–то люди даже взяли меня, чтобы зашить для них мертвеца в комнате, где было мало света, и я отлично его зашил. Не будь у меня таких острых глаз, я бы не мог этого сделать». И едва разбойник услышал эти слова, он возвеселился и обрадовался достижению своей цели, и понял он, что божественная воля привела его к тому, что он ищет, и сказал, проявляя изумление: «Ты ошибаешься, шейх, и я думаю, что ты зашил только саван, ибо я никогда не слыхивал, чтобы зашивали мертвеца».— «Я сказал одну правду и говорю то, что есть,— ответил шейх,— но мне ясно, что твоя цель — разведать чужие тайны, и если ты хочешь именно этого, то уходи от меня и расставляй свои сети кому–нибудь другому. Может быть, ты найдешь говоруна, который много болтает, а что до меня, то меня называют молчаливым, и я не открою то, что хочу скрыть. Я не стану больше с тобой говорить об этом». И вор еще более уверился и убедился, что этот мертвец и есть тот человек, которого они убили в сокровищнице, и сказал шейху Мустафе: «О шейх, мне нет нужды в твоих тайнах, и молчать о них будет лучше, ибо сказано: «Умение хранить тайну — качество праведных». Я только желаю от тебя, чтобы ты меня провел к дому этого умершего: может быть, это кто–нибудь из моих близких или знакомых и мне надлежит утешить его родных. Я ведь уже долгое время не живу в этом городе и не знаю, что здесь случилось в дни моего отсутствия».

Потом он опустил руку в карман, вынул динар и вложил его в руку шейха Мустафы, но тот отказался взять деньги и сказал: «Ты спрашиваешь меня о том, на что я не могу тебе ответить. Меня привели в дом умершего лишь после того, как наложили мне на глаза повязку, и я не знаю дороги, которая ведет к нему».— «Что касается динара,— молвил разбойник,— то я дарю его тебе, исполнишь ты мою просьбу или нет. Возьми же его, да благословит тебя Аллах, и я не заставлю тебя его возвращать. Но возможно, если ты сядешь и немного подумаешь, то вспомнишь дорогу, по которой ты шел с закрытыми глазами».— «Это возможно только в том случае, если ты завяжешь мне глаза повязкой, как они тогда сделали»,— ответил шейх Мустафа.— Я помню, как они взяли меня за руку, как повели, и как сворачивали, и как меня наконец остановили, и, может быть, я сумею найти дорогу к тому дому и проведу тебя к нему». И разбойник, услышав это, обрадовался и возвеселился. Он вручил шейху Мустафе еще динар и сказал: «Сделаем так, как ты говоришь». И потом оба встали, и шейх Мустафа запер свою лавку, а разбойник взял повязку и завязал ему глаза, а затем схватил его за руку, и они пошли. И шейх Мустафа то брал направо, то сворачивал налево или некоторое время шел прямо и делал так, как делала рабыня Марджана, пока не дошел до одной улицы. И он прошел по ней несколько шагов, и остановился, и сказал разбойнику: «Мне кажется, что меня остановили на этом месте». И тогда вор снял повязку у него с глаз, и по предопределению судьбы оказалось, что башмачник остановился как раз напротив дома покойного Касима. И вор спросил шейха Мустафу, знает ли он хозяина этого жилища, и тот ответил: «Нет, клянусь Аллахом, ибо эта улица далеко от моей лавки, и я не знаю жителей этого квартала». И вор поблагодарил шейха, и дал ему динар, и сказал: «Иди с миром, под охраной великого Аллаха!» И шейх Мустафа вернулся в свою лавку, радуясь, что нажил три динара, а вор остался стоять, смотря на дом и вглядываясь в него, и увидел, что ворота его похожи на ворота прочих домов в квартале. И он испугался, что не отличит их, и взял белил, и поставил на воротах маленький белый значок, чтобы по нему найти дом, а потом он вернулся на гору к своим товарищам, радуясь, со спокойной душой, уверенный, что дело, ради которого его послали, исполнено и что осталось только отомстить их врагу. Вот то, что было с этим разбойником.

Что же касается рабыни Марджаны, то когда она встала после сна и совершила утреннюю молитву, как имела привычку делать каждый день, она справила все свои дела и вышла, чтобы принести необходимые кушанья и напитки, и вдруг, возвращаясь с рынка, она заметила на воротах своего дома белый значок. Она всмотрелась в значок и удивилась, и это показалось ей подозрительным, и она подумала: «Возможно, что играли дети или что этот рисунок нарисовали уличные мальчишки, но вернее всего значок поставил какой–нибудь враг или подлый завистник, который преследует дурные цели или замышляет нехорошее дело. Разумно сбить его с толку и расстроить его скверные планы». И Марджана взяла белил и нарисовала на воротах соседей значки, похожие на значок, что вывел разбойник. Она пометила этим знаком около десяти ворот в квартале, а потом вошла к себе в дом и скрыла это дело от всех. Вот что было с Марджаной.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Что же касается разбойника, то, вернувшись к своим товарищам, на гору, он проявил радость и сообщил, что их цель достигнута, и желание исполнено, и отмщение их врагу близко. Потом он рассказал, как ему случилось пройти мимо того самого башмачника, который зашивал убитого, и как он нашел с помощью башмачника дом и поставил на воротах значок, опасаясь его не найти и не заметить, и предводитель поблагодарил его, и воздал ему хвалу за мужество, и обрадовался великой радостью, и сказал разбойникам: «Разойдитесь, наденьте одежду простых людей, спрячьте под пей оружие и идите в город. Войдите в него разными путями, и пусть будет для вас местом встречи большая мечеть, а мы с этим человеком, то есть с лазутчиком, пойдем к дому нашего врага. Когда мы найдем его и удостоверимся в этом, мы придем к вам в мечеть и условимся, как нам быть дальше, и посоветуемся, что будет вернее — ворваться в дом ночью или поступить иначе». И воры, услышав речь предводителя, одобрили ее, и сочли его слова правильным и, и согласились с его намерениями, а потом они разошлись, оделись в одежду простых людей и спрятали под одеждой мечи, как велел им предводитель. Они вошли в город разными путями, боясь, как бы люди не заметили их, и место сбора было у них, согласно условию, в большой мечети.

Что же касается предводителя и лазутчика, то они пошли искать переулком своего врага, и когда они пришли туда, предводитель увидел дом с белым значком. Он спросил своего товарища, это ли нужный им дом, и тот ответил: «Да!» — а затем предводитель бросил взгляд на другой дом и увидел, что на его воротах тоже стоит белый значок. Он спросил, который же дом им нужен, первый или второй, и тот растерялся и был бессилен ответить, а потом предводитель прошел несколько шагов и увидел больше десяти домов со значками. «Ты все эти дома отметил или один?» — спросил он своего товарища, и тот отвечал: «Нет, только один». И предводитель воскликнул: «Так как же их теперь стало десять или больше?» — «Я не знаю причины этого», — ответил его товарищ, и предводитель спросил его: «Можешь ли ты узнать среди этих домов тот, который ты выделил и отметил своей рукой?» — и разбойник молвил: «Не могу, так как эти дома похожи друг на друга; они построены по одному образцу, и вид знаков одинаковый». Услышав его слова, предводитель понял, что не будет проку стоять на этом месте и что на сей раз нет возможности отомстить, так как его надежда оказалась обманутой. Он вернулся с тем человеком в мечеть и велел своим молодцам возвращаться на гору, наказав им разойтись разными дорогами, как они сделали, входя в город, и, когда все собрались в обычном месте, рассказал им, что случилось у него с вором, который не смог отличить дом их врага, и сказал: «Теперь нам должно исполнить над ним приговор по условию и соглашению, существующему между нами». И все ответили повиновением, а что касается вора-соглядая тая, то это был смелый человек с твердым сердцем, и он не проявил трусости, а наоборот, выступил вперед, спокойный духом, свободный от страха, и воскликнул: «Поистине, я заслужил убийство, наказание за дурной план и малую хитрость, ибо я не сумел выполнить дело, которого от меня потребовали. Нет мне теперь охоты жить, и умереть лучше, нежели жить в позоре!» И тут предводитель вытащил меч и так ударил его по шее, что отмахнул ему голову от тела, а потом сказал: «О бойцы, искусные в сечах и в сражениях, кто из вас отважен и смел, чье сердце храбро и голова крепка? Кто возьмется исполнить этот трудный, тяжелый подвиг и страшное, опасное дело? Пусть не подходит ко мне немощный и не приближается слабый: я возьму только мужа, сильного яростью, чье мнение разумно, мысль правильна и хитрости всегда наготове». И поднялся тут один из воров, которого звали Ахмед аль-Гадбан,— а был это муж высокий ростом, толстоголовый, страшный видом, со смуглым лицом, гнусной внешностью и недоброй славой, и усы у него торчали, как у кошки, охотящейся за мышью, а борода тряслась, точно у козла, прыгающего среди коз и козлят,— и молвил: «О собрание примерных, не годится для этого дела никто, кроме меня, и если захочет Аллах, я вернусь к вам с верными вестями и укажу вам дом нашего врага самым ясным образом». И предводитель сказал ему: «Взяться за это можно только на тех условиях, о которых мы говорили прежде. Если ты вернешься ни с чем, тебя ждет отсечение головы, а если воротиться с победой — мы возвысим твой чин и положение и окажем тебе еще больший почет и уважение, и достанутся тебе всяческие блага».

И затем Ахмед аль-Гадбан оделся в одежду купцов, и вошел в город до восхода зари, и немедленно направился в квартал шейха Мустафы-башмачника, куда узнал дорогу из рассказа своего товарища. Он нашел шейха сидящим в его лавке, и поздоровался с ним, и сел возле него, и заговорил ласково, и пустился с ним в беседу, и вскоре уже башмачник открыл ему тайну мертвого и рассказал, как он его зашивал. И Ахмед аль-Гадбан попросил шейха Мустафу провести его к дому Касима, и шейх отказался и не захотел даже говорить об этом, но когда Ахмед стал его соблазнять деньгами, он не мог устоять, так как деньги — стрела, бьющая в цель, и ходатай, которому не откажешь. И Ахмед завязал шейху глаза повязкой и сделал то же, что сделал его товарищ, упомянутый раньше. Он шел с шейхом Муста-фой, пока не дошел до улицы покойного Касима, и остановился пред его домом, а достигнув этого дома, он снял повязку с глаз шейха, дал ему плату, которую обещал, и отпустил его идти своей дорогой. И когда Ахмед нашел то, что искал, он испугался, как бы не спутаться, и, опасаясь, что это случится, поставил на доме маленький значок красным; он изобразил значок в скрытом месте и думал, что его никто не увидит. Потом он вернулся к своим товарищам и рассказал им о том, что сделал, и он радовался, не сомневаясь в успехе, и был уверен, что никто не увидит значка, так как он был маленький и незаметный. Вот что было с этими людьми.

Что же касается рабыни Марджаны, то она проснулась спозаранку и вышла, по своему обычаю, чтобы принести мяса, овощей, плодов, закусок и прочих необходимых припасов, и когда она возвращалась с рынка, красный значок не укрылся от нее, а наоборот, ее взгляд упал на этот значок, и она хорошо его увидела. Это показалось ей странным и подозрительным, и она поняла по своей прозорливости и великой сметливости, что значок — дело рук постороннего врага или близкого завистника, который желает зла обитателям жилища. И чтобы сбить его с толку, Мард-жана вывела красным на воротах соседей значки такой же формы, как этот, поставив их на том же месте, которое избрал Ахмед аль-Гадбан, и она скрыла это и промолчала, боясь причинить своему господину волнение и беспокойство. Вот что было с Марджаной. А вор, пробравшись к своим товарищам, рассказал, что произошло у него с башмачником и как он нашел дорогу к дому врага и отметил его красным, чтобы узнать его, когда это будет нужно. И предводитель приказал вора одеться в одежду простолюдинов, спрятать под ней оружие и входить в город разными дорогами и сказал: «И пусть место встречи будет для вас в такой-то мечети. Сидите там до тех пор, пока мы к вам не вернемся», — а потом он взял Ахмеда аль-Гадбана и пошел искать нужный дом, чтобы узнать его в точности. Но когда они дошли до уже известной улицы, Ахмед аль-Гадбан не сумел отличить дом вследствие множества знаков, поставленных на воротах, и, увидев это, смутился и замолчал, ничего не говоря. А предводитель, поняв, что Ахмед не может распознать дом, омрачился, и нахмурился, и сильно разгневался, но необходимость заставила его пока скрыть свою ярость, и он поспешил в мечеть к остальным вора и, встретившись со своими сообщниками, приказал им, вернуться на гору. И они разошлись, и воротились поодиночке к своему убежищу, и сели, чтобы посоветоваться, и тогда предводитель рассказал им о случившемся и о том, что судьба не сподобила их в этот день отомстить и снять с себя позор вследствие дурного образа действия Ахмеда аль-Гадбана и его неспособности узнать дом врага. Потом он обнажил меч и так ударил Ахмеда по шее, что голова слетела у него с плеч и рассталась с телом, и поспешил Аллах отправить его душу в огонь — а скверное это обиталище!